

Даха Тараторина

СУП ИЗ СКАЗОК

16+

Даха Тараторина
Суп из сказок

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тараторина Д.

Суп из сказок / Д. Тараторина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Здрав будь, путник! Притомился, натрудил ноги? Сердце устало от тоски или, напротив, жаждется спокойного тёплого вечера с запахом корицы и грусти? Садись, возьми плошку дымящегося супа. В этом супе много всего намешано: и веселье, и любовь, и отголоски давно забытых сновидений. Понравится ли блюдо, спрашиваешь? Кто ж ответит! Надо пробовать. Сборник рассказов и зарисовок для вашего удовольствия и авторской ностальгии. Автор обложки Таня Георгиева

Содержание

Присказка	5
На стыке	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Присказка

«Скоро сказка сказывается...»

По дороге шёл Иван-дурак. Дурак – не была его фамилия. Это не было даже прозвищем. Это было написано у него на лице. Впрочем, то, что он Иван – тоже. Пустенькое такое лицо. Вместо интеллекта обременённое желанием найти приключений на свою... голову. Зато кулаки были такого размера, что я сразу поёжился, вспоминая, как в вот таких же вот кулаках чуть не оставил свой хвост.

Ну, рисковать так рисковать. В конце концов, нужен мне был именно такой. Я решительно двинулся парню навстречу и торопливо начал нарезать круги, намурлыкивая стишки собственного сочинения:

*«Кому дорогу перейду, тот скоро попадёт в беду,
А с кем я рядышком пойду – отыщет птицу какаду.
Волшебную, как в сказке... невиданной раскраски...»*

– Да сам ты кака... – не вдаваясь в подробности поднял сапог Иван.

Видимо, говорящие коты не были в его краях дефицитом. Но тут его напоминающая блин ряха просветлела: он уловил ключевое слово.

– Волшебная, говоришь? Ну, пошли к твоей какаде.

И эта образаина ухватила меня – меня!! Волшебного кота!! – за хвост и волоком потащила по дорожке, ведущей в противоположную сторону. Я протестующее заорал, но, вспомнив о своём магическом происхождении, быстро заткнулся. И, цепляясь когтями за камни, обратился к попутчику уже на человеческом языке:

– Слыш ты, придурок! Сказано же: с кем *пойду*. **ПОЙДУ-У-У!** и нечего меня за хвост на шаурму тащить!

Иван, явно озадаченный моим сопротивлением, остановился и некоторое время огромной ручищей чесал свой кудлатый затылок. Затем, видимо, выудив из него достаточное количество знаний, заявил:

– Ну дык это... Пошли!

И опять направился в противоположную сторону. Я уселся посреди дороги и изо всех своих кошачьих сил заорал:

– А ХРЕН ТЕБЕ!!!!

Такую информацию Иван-дурак переваривал ещё дольше. Я даже успел вздремнуть на солнышке и немного погрустить о былых временах. Придурков, правда, тогда было столько же, но говорящих котов они слушались.

– А чё? – спросил наконец мой визави.

– А вот! Во-первых, ты идёшь не туда. А во-вторых, чтобы достать – тут я сделал многозначительную паузу – сокровище, тебе придётся выполнить три условия.

Дурак ослабил белозубой кривой улыбкой и заявил:

– Только не проси отдать тебе треть, треть и ещё одну треть!

Я даже опешил от столь глубоких познаний в математике.

– Сокровища можешь взять себе все! – равнодушно махнул я хвостом, – А мне нужно всего-то: зубик того, кто встретится нам на пути, ноготок того, кто будет... э-э-э... сидеть рядом с птичкой какаду и перо из хвоста упомянутой птички.

– СОГЛАСЕН!! – гаркнул Иван, и после его дружеских объятий я порадовался, что у меня осталось ещё целых восемь жизней.

Я кивнул на неприметную тропинку, ведущую в сторону леса, и целеустремлённо затопал по ней всеми четырьмя.

Полдороги Иван соображал, куда бы ему приткнуть добытые сокровища, на основании чего я пришёл к выводу, что собственно волшебство привлекает его куда больше, чем богатство.

Но тут мой дурак прервал рассуждения и замер посреди тропинки, ошалело глядя по сторонам. Я выглянул из-за его ноги и по приметной берёзке, на которой сам когда-то нацарапал череп, понял, что волшебная зона началась. Иван замотал головой, стряхивая вшей с насиженного места, и занял:

– Я туда не пойду-у-у-у!.. Я туда бою-у-у-сь!..

Я вздохнул поглубже и изо всех сил цапнул дурака пониже спины. Тот подпрыгнул от неожиданности и завертелся в поисках обидчика. Я, как ни в чём не бывало, вылизывал заднюю лапу.

– В чём дело, родной? – елеиным голосом поинтересовался я.

— Ну дык это... У меня ж это... Кажись... Тогось...

– Неужто знамение? – всплеснул я лапками. – Это судьба! Иди, родной!

– Так ведь болит-то жо...

– Иди-иди-иди! – подтолкнул я, – И не оборачивайся – судьба...

В глазах у Ивана загорелся сумасшедший огонёк, явно отсвечивающий через уши. Он стреконул вперёд с такой скоростью, что мне пришлось его догонять. Пока я перебирал своими хиленькими четырьмя (а перебирать пришлось долго: спринтер фигов!), впереди послышалось недовольное рычание.

Иван уже сидел возле кучки песка и, трагически возводя взор к небу, сжимал в кулаке некий предмет. Я деловито обнюхал импровизированную песочницу и ласково поинтересовался:

– Ванечка, а что здесь было-то?

Иван тяжело вздохнул и махнул рукой так, что я еле увернулся. Из пальцев выскользнул золотой зуб.

– Тут такая девка была... – мечтательно заскулил Иван, – Как выплыла... Да как своей... этой самой повела... И ко мне значит: давай, мол, добрый молодец, я тебя ублажу...

Мне стало интересно: по крайней мере до сих пор ничего с кучей песка не вязалось...

– Ну а ты? – натолкнул я его на мысль.

– А что я? Я ж – мужик! Пожрать всегда горазд... ну и пошёл. А она и давай руки распускать... Ну, у меня это само собой и получилось... Я только стукнул маленько, а она и рассыпалась... Хрупкая такая... Из благородных видать...

«Ой дура-а-ак...», – подумал я.

Ну, как-никак, а первое испытание пройдено: зуб тому доказательство. А уж как его добыли – история умалчивает.

– Ладно, пошли.

— Дык как же? А песок-то?

– Песок? Гм...

Мои инстинкты были мне очень благодарны, а Иван попытался прибить. Я предусмотрительно напомнил про пророчество, брезгливо отряхнул лапки и отправился дальше. Иван, впрочем, тоже горевал недолго. Поняв, что песочная дева вряд ли собиралась его накормить, – а ничего другого ему и не надо было – он благополучно выкинул её из головы. Дурак уже скакал на одной ножке, прикидывая, как будет рассказывать в деревне историю о песчаном чудище, которое он пришиб одним ударом. Что чудище и так держалось на соплях, я предпочёл умолчать.

Вдруг, по лесу разнёсся оглушительный рёв, который, насколько я успел понять, исторг не Иван. Он так и замер на одной ноге, а возле него обнаружился огромный, определённо недоброжелательный, след и обломок когтя. Рядом завывал от боли дракон:

– Ты мне ногу отдал, растя-а-а-апа!!!

Я мысленно предложил ещё порядка десятка вариантов того, как бы стоило назвать моего попутчика, но вслух сказал:

– О, ужасный... – дракон удручённо всхлипнул, – и непобедимый хранитель... всей этой фигни. Не соизволишь ли ты пропустить на подобру-поздорову? А мы тогда с тобой драться не будем!

На морде дракона проступила смесь облегчения и недоверия:

– А все другие дра-а-а-ались!.. – заскулил он. – Обижали малютку...

Я с любопытством посмотрел на «малютку», возвышающегося над нами метра на четыре, подошёл поближе и доверительно коснулся лапой драконьего хвоста:

– Честное пионерское! – Выдохнул я, как будто лоскут отрывая от своей кошачьей души.

Дракон вытянулся в струнку, отсалютовал нам и даже напоследок помахал красной тряпкой, которая теоретически могла бы служить как пионерским галстуком, так и парусом. В прощальном вое дракона отчётливо слышалось: «Взвейте-е-есь костра-а-ами, синие-е-е но-о-очи...».

Пока дракон обливался слезами умиления, Иван (а не такой уж он и дурак!) сверкал пятками где-то впереди.

– Ну чё, герой! – крикнул я, когда мы поравнялись, – гордись! Ты даже дракона достал! В смысле, победил.

И без того величественная осанка дурака стала напоминать бюст правителя небольшого тоталитарного государства. Больше ничем удовлетворения, полученного от ситуации, Иван не выказал.

– Ну всё, – сказал я, – теперь под горку – и пришли!

Прежде, чем я закончил фразу, Иван был наверху. Взобравшись, я увидел, как он удивлённо рассматривает что-то мелкое, круглое и пёстрое.

– Это что ли какада? – ошалело ткнул пальцем Иван.

Я крайне неуверенно кивнул.

– Дык это ж – курица! Тока, кажись, с петушиным хвостом!

– Но-но, не зарывайся! – пригрозил я, (Я эту курицу красил-красил... А он её курицей называет! Это уже, по крайней мере, индивид! Видовое ответвление, если хотите!) – Ты перо оторви – и свободен!

Но Иван меня уже не слушал. Он с серьёзным видом строил курице рожи, называя её гулей. А когда поймал за клюв, охреневшая от такой наглости птица взбунтовалась и клюнула неудачливого охотника в глаз. Иван взвыл от боли и ударом ноги отправил орнитологическую редкость в бреющий полёт.

Я успел сказать только «мяу!», хотя на языке крутилось несколько гораздо более ёмких эпитетов. Три золотых яйца, на которых сидела горемычная пернатая, выразили всё за меня. Из расколовшейся скорлупы вылетели маленькие бешеные пташки и дурными голосами сообщили Ивану своё мнение о нём, его немеряной силе, неординарной внешности, выдающихся умственных способностях, а также обо всех близких и дальних родственниках по женской линии.

А Иван всё причитал.

Я вздохнул: вот всегда так с этими героями!

Подошёл к совсем не вписывающейся в пейзаж раковине, лежащей у корней векового дуба, хорошенько дунул в неё и деловым фальцетом сообщил:

– Алё, шеф! Запускай сказку, нашёл я тебе героя! Ше-еф? Шеф!!! Тьфу ты, мышина мать! Опять налево пошёл, всё б ему песни горланить!

– Ничего и не налево, – послышалось из раковины недовольное мурлыканье, – просто мне тут Ляксандр Сергеич творческое совещание устроил. Что за герой-то хоть? Правда, что ль перед искушением устоял?

– Ещё как устоял! – с готовностью подтвердил я, – девка твоя наколдованная не устояла, а он устоял!

– А дракона – неужто не испугался?

– Да он его даже не заметил! – заявил я, размышляя, насколько правдив был мой ответ.

На другом конце довольно заурчали.

– А перо как? Перо вырвал?

– Всё, как и предполагалось, – отпрапортовал я, – *Перо*, – я подчеркнул это слово, – даже не тронул.

– Неужели пожалел?! – ахнули на другом конце раковины.

– Ну не то, чтобы пожалел... – я удручённо глянул в сторону, куда унесло бедную птицу, – но перо, – как есть говорю, – не тронул!

– А как, говоришь, звать парнишку?

– Да как обычно – Иван-Дурак.

– Да что ты, в самом деле! У нас тут и без него дурачья хватает: что ни Иван – либо дурак, либо придурок!

– Так по другому-то и не назовёшь балду этакую! Его хоть Диогеном, хоть Эйнштейном, хоть профессором Лихачёвым назови – всё балдой останется!

– Балда? А вот это хорошо, Балды у нас ещё ни в одной сказке не было! Молодец! Теперь мне, знаешь, что надо? Найди-ка мне девицу – чтобы к мышьяку была устойчивая и яблоки любила.

Я тяжело вздохнул: – Ну, работа есть работа... Я своё дело здесь закончил, а сказка начнётся уже без меня.

На стыке

Глава 1

Он

06.55. Стеклов Петр Игоревич, водитель такси, в прошлом – почти интеллигент, ныне – скромный житель небольшого городка, дрых без задних ног.

06.59. Не просыпаясь, Петр Игоревич с ужасом подумал, что сейчас точно позвонит Люська и приторным, как малиновое варенье на мёду, голосочком, спросит:

– Петруська-лапусенька, сладенький мой, ты уже проснулся? На работу не опоздаешь, кусенька моя?

Заботливость её объяснялась не столько искренним вниманием, сколько обычной вредностью: сама Люська на работу ходила к половине восьмого, но, коль скоро она всё равно проснулась, чего это Петька спать будет?!

И он, конечно, скажет, что давно встал, думает о ней и готовит диетический салат на завтрак. На самом деле, недокрашенную блондинку он терпеть не мог, придумывал любые поводы, чтобы не приходить на свидания, а не бросал её только потому, что втайне боялся. Люська же, несмотря на всю свою блондинистость, не была абсолютной дурой и бульдожьей хваткой вцепилась в «Петрусика», систематически делающего ей недешёвые подарки, на которые уходила добрая половина зарплаты.

На завтрак Пётр ел яичницу. На масле. Сливочном. Вовсе не из внутреннего протеста: просто ничего, кроме неё, готовить не умел. Понятие же «диетический» вошло в его лексикон благодаря той же Люське, вечно худеющей и помешанной на диетах. По сути, диеты давно для неё превратились лишь в модную «фишку», а фигура, по мнению того же Петрусика, и так отличалась излишней худобой, по крайней мере, ни взгляд, ни руки, случись вдруг незапланированные объятия, ни на чём особо не задерживались.

07.00. Утробными звуками взвыл мобильник, звон его напомнил Стеклову похоронный марш. На дисплее всплыло страшное «Lus`ka» – из трубки потекло малиновое варенье:

– Петруська-пусенька, ты не проспайшь?

– Н-н-нет... Люсь... Я... это... в метро! И... это... заболел! И... О! Контролёр! Пока, спокойной ночи!

Он нащупал кнопку с красным телефончиком своего доисторического, но неразбиваемого аппарата, как бы невзначай понажимал на неё «до полного отключения» и снова повалился не подушку в драной наволочке. Сон, поджидавший за тумбочкой, метнувшись лягушачьим языком, навалился на уже почти одинокого таксиста.

Проснулся Пётр к девяти. Точнее, встал, проснуться он так и не удосужился. Натянул носки – один чёрный, другой – тёмно-синий (обнаружив неделю назад, что они разного цвета, Пётр честно попытался понять, почему: покупал вроде одинаковые? Ещё через три дня оказалось, что в шкафу носки тоже разные. Через два до него дошло, но обмен всё равно не состоялся: носимые носки уже слегка пахивали, а постирать их ни одному мужику в голову не придёт).

Стеклов посмотрел в зеркало. Вид сонной небритой физиономии произвёл на него странное впечатление. Физиономия ухмыльнулась, гыкнула и, насвистывая цепляющую мелодию по модные туфли, неспеша отправилась жарить яичницу.

«А Люська-то обиделась – минимум до завтра звонить не будет». Мысль оказалась крайне позитивной, на её фоне даже песня стала менее дурацкой.

Пётр стал посреди комнаты, осмотрелся. Чего-то не хватало, но чего именно? Вроде все утренние дела закончены... Он пожал плечами: совесть почти чиста, можно и поработать.

По пути подключил телефон. Тот сразу сообщил о трёх пропущенных вызовах с работы. Звонила Иринка – весёлая рыжая девчонка лет двадцати двух, любительница спортивной одежды, боевиков и сальных анекдотов. Обычно она его прикрывала. Может, до начальства и не дойдёт слух об очередном опоздании? Хотя... Давно пора эту работу менять! Мечтал же когда-то свою кофейню открыть! После института думал подработать немного и... вот.

Вот бросить всё и укатить на юга. С Иринкой. А что? Она девчонка симпатичная, отчасти даже интеллигентная, вон как анекдоты хорошо рассказывает! Люську бросить наконец. Эх, поменять бы всю свою жизнь!

Звонок – опять Иринка. Не здороваясь, поинтересовалась:

– Живой?

– Ну?

В ответ – ядрёный трёхэтажный мат.

– Ты хоть когда-нибудь вовремя приходишь?! Пулей сюда! И чтоб в последний раз, кусать тебя за ногу!

Через тридцать минут так и не проснувшийся Петр Стеклов ехал на вызов. На сиденье рядом лежали два тома Достоевского. Всё-таки в душе Стеклов оставался романтиком. Или просто искал способы взаимовыгодного сотрудничества с ростовщиками.

Резкий поворот – одна из книг юркнула под сиденье. Пётр потянулся за «Идиотом».

«Да сам я...» – успело мелькнуть у него в голове.

На дороге стояла миниатюрная девушка. Хорошенькая, но для сентябрьского дня одетая слишком легко: мини-юбочка и джинсовая куртка. Распущенные волосы цвета голубики почти закрывали лицо. Петр запомнил только глаза – испуганные, удивлённые, непонимающие, обиженные... Её жизнь обрывалась до смешного быстро. Водитель пытался вывернуть руль, но тот словно заклинило.

Да что же она так и стоит на месте?!..

Глава 2

Она

06.55. Она, как обычно, проснулась немного раньше, чем зазвонил будильник. Ганя (родители постарались и выбрали имя с подвывертом) задумалась о вчерашнем дне. Память услужливо выдала два списка, заполненных аккуратным почерком: «намеченное» и «выполненное». Списки, разумеется, полностью совпадали. Ганя удовлетворённо зевнула: она всегда выполняла всё намеченное. Начальство её за это ценило, а сотрудники прозвали длинно, но справедливо: «кто-везёт-на-том-и-едут».

Гане её образ жизни нравился. Она всегда знала, где что лежит, всюду появлялась вовремя, её планы из разряда «надо бы» неизбежно переходили в разряд «успела». Вроде бы всё идеально. А в личной жизни – только дымчатый кот Енот. Постоянно гадит под диваном и ходит грязными лапами по ковру. Одно слово – мужик. Почти (как-то после весеннего загула хозяйка, разозлившись, сволокла его к ветеринару). Но, несмотря ни на что, девушка кота любила: какой-никакой, а мужчина в доме.

07.00. Прозвенел будильник. Не позволяя себе раскачиваться, Ганя села. Встала. Тщательно заправила кровать, чтобы складки не портили внешнего вида. Смотреть на покрывала в течение дня некому, но девушку грела мысль, что вечером она вернётся в аккуратную прибранную квартирку. Накинула халатик и отправилась наводить утренний марафет. Уходило на него не больше десяти минут (всё-таки она в этом деле профессионал), но вставала Ганя всегда за целых три часа до выхода. Рабочий день в салоне красоты «Идиллия» начинался в 10.30. На дорогу – семнадцать с половиной минут неспешным шагом. Десять – на непредвиденные обстоятельства. Две с половиной – привести себя в порядок и сосредоточиться. Рассчитано до секунды.

Лёгкий макияж – и можно завтракать: кофе с гренками. Ничего против здорового питания Ганя не имела, но всяческие диеты терпеть не могла, справедливо считала, что любое ограничение в еде делает её нервной и дёрганой, а это обязательно повредит работе.

Час на просмотр любимого сериала. Решив, что Хуан-таки мерзавец, а сеньорите Розе, как и ей самой, давно пора замуж, Ганя с горя выпила ещё одну чашку кофе, бессовестно используя запас «непредвиденных» минут. Оделась (юбочка и блузка, конечно же, приготовлены с вечера).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.